

Музея русской эмиграции.

(Ръч. произношеннія въ Парижъ 18 февраліа.)

Соотечественник.

Нашъ вечеръ посвящатъ бесѣдѣ о миссии русской эмиграціи.

Мы эмигрията, — слово «эмиграция» мы
также подхалим, как и нацизм. Но это
огромное, большинство, смотрят на эми-
гриацию, а именно эмиграцию, то есть
люди, добровольно покинувшие родину.
Миссисипи наша оправдана ею, причинами, из-
за которых мы покинули ее. Эти при-
чины на первых пагнатах разнообразны, но
по сущности сводятся к одному: к тому,
что мы так или иначе по причине жизни
переселились с той стороны, поры въ-
России, были въ той или иной мере несогла-
шены, а та, или иная борьба с этой
жизнью и, следовательно, что дальнейшее
существование наше грозило намъ опас-
ностью, бесконечной гибелью, уши-
емъ, въханью.

и тупинки.

Мисес — это значит возвышение. Но мы взяли и это слово вовсе сомнительно, напомнило угодно точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: «мисс» есть власть (ронон), данная долготой настиль альянс что-нибудь». А делегаты называют лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие почти торжественные слова в привычной к ним? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Илья напече вечера — напомнил, что то только можно, но и должно. Никоторо изъ пась глубоко устали и, быть может, готовы, посы разными достоинствами единицами, разочароваться в томъ дѣлѣ, которому они такъ или иначе служили, готовы называть свое пребываніе

на римскомъ солдату, который исподтихъ усталъ. Распятаго губы съ укусомъ Европа многочию задавила большинствомъ Венгрий, но пускай Габсбурговъ въ Австро-Вильгельмъ въ Германию. И когда дѣла идётъ о Россіи, она тутчасъ вспоминаетъ правило о цивилизаторской роли внутреннихъ дѣлъ союза и сконфидиально смотритъ на русский «внутренний прогромъ», то есть на шестнадцатый прогромъ, данийшей въ Россіи, и вотъ душа даётъ того, что узаконить, это же прогромъ. И вновь, и вновь исполнилось тѣмъ образцомъ слово Писаний: «Вотъ будь семь коровъ тучныхъ и покруже семь коровъ тучныхъ, самъ же оттого стануть тучные...» Вотъ темнота покроетъ землю и зракъ... народы... Лицо и коготь пілъ будеть собачь...» Въ связи важно мнение русской эмиграции,

Что произошло? Понапомнило величайшее падение России, а вместе с тем и общее падение человечества. Падение России ничуть не спрятано. Но национальная русская революция или нет? И никакой революции не было, убо-

Насъ, разбѣянныхъ, по миру, около трехъ миллиоповъ. Исключено изъ этого громаднаго числа десятки и даже сотни тысячъ попавшихъ въ эмиграціи потому, что сорѣвнѣя несознательно, совсѣмъ, слѣпы; исключено тѣхъ, которые, будучи противниками (стригѣ, соперниками) выѣзжавшихъ Владыкъ Россіи, суть однако же кровно-братья; исключено изъ нихъ пособники, въ нашей средѣ предъявляющихъ лишь съ целью подорвать нацъ передъ лицомъ чужеземцевъ и разлагать насъ: оставимъ все такъ-тако, что даже оной своей численностью, говорить о страшной важности событий, русскую эмиграцію создавшихъ, и даетъ полное право пользоваться высокимъ языкомъ. Но численность наша оно далеко не все. Есть еще пѣво, что присваиваетъ намъ пѣкона назначеніе. Ибо это иѣ-то заключается въ томъ, что понстини мы пѣкій грозный знакъ миру и посильные борцы за вѣчныя, божественные основы человѣческаго существованія, пытаясь не только въ Россіи, но и всюду пошатнуться.

и письмами. Если даже писать нехоль из России было только инстинктивным протестом против лупешествия и разрушительства, подарившего тема то и то нужно было бы сказать, что легла на насъ имена цѣкою указаниемъ: «Всегда миръ на этой великой нехоле и осмыслилъ его значеніе. Вотъ передъ тобой милыны изъ числа лучшихъ русскихъ душъ, свидетельствующихъ, что далеко не въ Россіи пріемѣтъ власть, низость и злопамята ея захватчиковъ; первоѣ тобой милыны душъ, обличенныхъ въ глубочайшей траурѣ, душъ, коимъ было дано видѣть гибель въ срѣмъ оного изъ самыи могущественнѣи земныхъ царствъ и знать, что эти царство есть плоть и кровь ихъ, дано было оставить долмы и гробы отѣ, часты поруганія, оплакать горячайшии слезами тысячи и тысячи беззашити убийщихъ и замученныхъ, лишились величайшаго человѣческаго благополучія, погибли, погибъ столица, подожгли и разрушили склады, дома, насеянный отъ великаго скада дома, насеянный отъ ими и во всѣхъ смыслахъ могущими достойностью, созданіемъ благословеніемъ трудами многихъ и многихъ поклонниковъ освященнымъ богоопочитаніемъ, памятью прошлымъ и всѣмъ тѣмъ, что называло культурой и культурою. Что же изъ сдѣлано? Заплатили за свирженье правителя полными разгромомъ буквально всего дома и церквейнами братами, ствѣтыми, тѣмъ кошмарно-кровавыми, болаганомъ, чудовищами послѣдствія торого неспокойствіи и, быть можетъ, этимъ неправдами. И вспомѣръ этого, вторя, тѣмъ ужасите, что онъ даже чески прославляется, возводится, наоръ созданий въ годами длится пріемъ популлярностъ всего мира, когда уже давно долженъ быть брест, походомъ идти на Москву.

лучай, испытать врага столь полного и спиритуального, что небыть амена его подности и смирству, мучиться и въсияи казнами египетскими въ своем отступлении передать имена, воспринять все мыслимыя унижения и зауми на путях чужеземного скита-
тельства: ваганы, мѣр, и знать, что пис-
ются въ твоихъ лѣтописяхъ одинъ изъ са-
мыхъ черныхъ и, быть можетъ, роковыхъ
для тебѣ страницъ!»

Такъ было я, говорю я, если бы мы были просто огромной массой бѣженцевъ, только синими своимъ наливомъ, вспыхнувшихъ противъ сопѣтнаго въ Россіи, — были, по прекрасному выражению одного русскаго писателя, исконными журавлями, разлѣтавшимися по всему подибесию, чтобы свидѣтельствовать противъ этого московскихъ убийцъ. Однако это не все, русская эмиграція имѣетъ право сказать о себѣ гораздо больше. Сотни тысяч изъ нашей среды возсталы вполнѣ и сознательно и獨立ственно противъ врага, изъ которыхъ свою измѣнѣвшуюся въ Россіи, но притягивающую къ мировое владичество, сотни

русского диктатора и восьмь миРъ приносятъ
узы грязи, топтать сокиетъ, спаси, любви,
милосердия, въ прахъ дробить скрижали
Моисея и Христа, ставитъ начинки буль-
и Канни, учила «Семь заповѣдей Ленина». И
диктаторъ вѣдь дробить, вѣдь топтать и даже
дорогуъ на то, что ужаснуло бы самы
дѣлътицы, онъ вторгся въ самы Святой
столицѣ своей родины, въ мѣсто того
страшного и благословленнаго таинства,
гдѣ чѣкъ иночества величайшаго Жаждатель
и Всеступецъ есъ, коснулся руки Преподобнаго
Сергія, гроба, передъ которыемъ руки
поворзгались изъ сомни русскихъ душъ
по самы високи мгновеніи ихъ земного
существованія... Боже, и это поѣтъ въ этому
самому диктатору долгими, и чисты на по-
клонъ и сладкіи? Это онъ буде лор-
жанинъ хозяйномъ всией новой Руси,
осуществившии свои «святѣнныя чады»
за счетъ сестеръ парфеніатинъ имъ, изъ-за
поддесантнаго линчеванія «семьи»? Вѣ-
рошилось году, читалъ лекцію по Сербщинѣ,
и приносилъ слова великаго русскаго исто-
рика, Ключевскаго: «Конецъ русскому го-
сударству будетъ тогда, когда разрушатъ
самии правителственныи основы, когда по-
гаснутъ лампады наль гробинѣ Сергія
Преподобнаго и закроются врата въ
Ливыя». Ведѣній слова, мышь станови-
ужасными! Основы разрушены, враты за-
крыты лампады погасли. Но не боятъ
этихъ лампадъ по быватъ русской землѣ
— и пельзь, проступно служить о-
тъѣ...

Да, колеблется устон и сего мира, и уже представляемые возможными, что миръ бы двинулся бы съ места, если бы разверзлись двери красное пламя, даже и нахъ Герусалимъ бы вынырнулъ самъ Гробъ Господень: вѣдь московскій Антихристъ уже мечтаетъ о своемъ узаконеніи даже самими римскими намѣтниками Христомъ Миръ одержимъ еще не былъ жажде корысти и разлоненія на толпу, сноу упобѣдилъ Тирана и Сидону, Содому и Гоморру. Тиры и Сидонъ ради торгащества въ чѣмъ, не побрезгуютъ. Содомъ и Гоморра ради похоти ни въ чѣмъ не постыживаются. Все распушташь въ чисть и все выпиши малящую голову толпы сгораетъ отъ стыда къ насажденію, отъ зависти ко вѣнчаному наслаждаемому. И одни (кажущіеся покустватели) оспѣвлияють ее блескомъ мірового базара, другіе (кажущіеся въ чисть) разражениемъ изъ зависти. Какъ прѣбывать въльть наль толпы, какъ пропитываться на весь Тиры, на всю Гоморру, какъ войти въ бывшій царскій дворецъ или храмъ, чтобы убѣдиться въ лицѣ, борца ико-благої юбѣдѣ? Надѣйтесь толпе, иначе ложа и самаго себя, свою совѣтъ надо покуствать, расположенному толпе, чтобы притеснить ей. И вотъ образовалось миръ why илье цѣлое поднѣтие, произвѣтъ ковъ «новой» жизни, взявшихъ міровъ привилегіи, концессію на предметъ установления человѣческаго блага, будто бы самъ

ни человеческого лица, будто
шаго и будто бы равнога. Образом
пышная армия профессионалов по этому
му — тысячи членов различных соци-
альных партий, тысячи трибуун из ко-
их выходят все го, что в концѣ кон-
такта или иначе прослышатся и возви-
шутся. Но, чтобы достичнуть всего и на-
адобна, повторяю, великая ложь, вели-
чодлинство, устройство воинств, ре-
ния, надо от времени до времени по-
лько ходить в кровь. Главное же
лишить толпу «кончума религии», дать
святым Богам идолов в видѣ тельца, то
проще говоря, скота. Пугачевы? Что
склать Пугачевы? Воте «планетария»
скотъ — другое дѣло. Выроды, ствонный илюстъ отъ рожденія. Лег-
ко явить хику какъ разъ въ самъ разъ
своей дѣятельности въ чѣмъ тудорвищно
тряслося: онъ разорвалъ величайшую
мирѣ страну и убѣзъ ильскољъ миллионы
человѣкъ... и вѣс тали мѣръ уже наст-
оинъ съ ума, что среди бѣла дна
рѣть, благодѣтель онъ человѣчества
нѣтъ? На своемъ кронштадтѣ престолъ
стоялъ уже на четырнадцатыхъ; когдѣ
ласкіе фотографы снимали его, онъ
нужно высокопытывалъ языкъ: пичага
чѣть, спорять! Самъ Симѣонъ брѣ-
слуру во всесуслышаніе, что въ
этого нового Навходоносора написали
ную книжку вместо мозга; на смер-
ть, въ своемъ красномъ гробу, о
жаль, казнь пишутъ въ газетахъ, съ
нѣйшней гримасой на ѿбро-желтомъ
но не значить, спорять! А сор-
то, такъ-такъ пріо пишутъ: «Умер
богъ, создатель Нового Мира, Домъ
Московскихъ поэтъ, эти содржаны
ской красной блузинки, будущиѣ р
новую русскую поэзію, будъ давно и

Иисуса на крест, а Варраду —
Подъ руки и по Тверскому...
Кометой по миру вытяну язык...
До Египта раскорячи ноги...
Богу вспыхнула бороду.

И если все это соединить в одно
будет впечатляюще ярко...

влюблённая в язык, и его красивый грот и то, что дифференции банин принесли, ради до похоронов, уже во просте Ленина, в него Домурдя и о том что Гродз Святого Петра переномнился из Ленинграда, то оканчиваясь по-истине библейской страстью, но только за Россию, но и за Европу: ведь ногами раскорягивается действительно очень далеко и очень сильно. В свою прозу непременно надо писать это Божий глагол, — так, всегда было: «Соль настанет из твоих Гирь и Седаны, и иноземцам ты въ пучину моря...» И мы Солому и Гумору, не вѣт эти Ленинграда надаеть огни и сара, в Слон, Седаны, Божий Гродз Мира, прибудутъ по вѣки. Но что ж лѣтать сеансахъ, что дѣлать членовъ вѣтъ этого дни и часа, русскому эмигрианту?

Миссис русской эмиграции, доказавшей свою исходность из России и своей борьбой, смирила здешними походами, что она не только за страну, но и за себя имела право на землю. Испытывая в Ленинграде склонность заняться лесом, миссис эта захватила наше имение в представлении этого понятия. «Они хотят, чтобы руки текли венить, и хотят признать совершившимся!» Известно, что так, мы хотим, но обратимо, а только иного течения. Мы отрицаем факта, расценивая его, — это заявляю право, даю право земель, — и расцениваем с точки зрения на партийную, но политической, а человеческой, религиозной. «Они по хотят ради России претерпеть большевиков! Да, но хотим — можно было претерпеть ставку Балтии, но Ленинград несмысли претерпеть. «Они не прислушиваются к голосу России! Опять же мы очень прислушиваемся и — ясно становится все отточко же и во еще право; да мой голос, хама, хининки и комок мольца да гахухи взадом. Знаю, много уже сдалины, многоя пали, а сдаются и будут еще тысячи и тысячи. Но все равно останутся и такие, что не сдаются, когда И преобуть въ, вѣрности за вѣльмъ Синафесиимъ и Галинейскимъ, а от планетарной матерининъ, хотя бы и от ренной самими Макдональдами. Преподнесутъ къ России Сергій Преношаго, а не то, что расставятъ: «Ахъ, а тата-та, безъ креста» и будто бы миссисы пытались во имя какого-то будущего восстания. Пыталася! Но пора оставить эту бесцеремонную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эту литературуны помпости ведения: радость пытаться въ сыпкомъ топи или подъ, нощицами чистки! Циркая рода разыгнанъ и пытлованъ землю, когда ее освобождали отъ этого пытания. «Народ не принялъ бывшъ...» Жто же, если такъ, то это только линия доказательства глубокаго паденя народа. Но, слава Богу, это не съвсемъ такъ: же принимала Гагань, да жаждна галина, Соловьевская, членъ отнимутъ назадъ боровинко и линеное.

Россия! Кто смеет учить меня льгть иск? Один из недавних русских бывшевнов, рассказывая между прочим в своих записках о тьзъ заблуждениях, представлялся в одном чисто-красноармейски, какъ они убили один изъ-посыпки старика (по ит-
зрѣніямъ, богатаго), жившаго въ с. Барик сестры, одинаки, съ одною собаченкой. Ахъ, говорится въ засказѣ, ужасно металася и въала эта кома вокругъ трупа и канула лютую висть прѣбройка она послѣ этого ко красноармейцамъ: лишь только забѣдили красноармейскую пинши, то же вихремъ несется, захлебываясь яростю лад! Я прощай это съ ужасомъ и восторгомъ, и въ молю Бога, Оль спою моего послѣдняго испытанія длань во мѣрѣ подобную-ка собачью сопливину къ русскому Канцу. А мы бѣ въ русскомъ Августѣ на нуждахъ въ молитвѣ о поддержаніи Пусть во всегда были подобны го онѣю оడеекъ бѣлью ратника, — дитя въѣхѣ его памяти! Подъ фальшивыми вратами галльской досугаугасимъ пылающе жаркое пламя, прогорбъ безвѣстного солдата. Въ лынъ мертвѣй русской стопы, гдѣ былъ ратникъ, тьма ипустота. И есть Господь, что творить. Гдѣ гдѣ то пламя, что быни бы достойны могилы? Ибо тамъ гробъ Христовъ сіи. И только ей одной поклонися добра, когда Ангель отвалилъ кам-

Будем же ждать этого для А.
ла будешь нашей миссии не слава-
соблазны, ни окрики. Это
важно и вообще для неправедного
сего, и для будущих праведных
само же России.

А кромъ того есть еще нечто, раздо больше даже и России и особо материальных интересовъ. Это Богъ и моя душа. «Ради» самаго лима не отрекусь отъ Господа! евреи ни для какихъ благъ не отсътвуютъ. Святой Киприанъ Чорниговскій шелъ въ Орду для Р

